Лидия СТЕПАНОВА

«В КАКОМ-ТО ИЗ ЭТИХ МИРОВ...»

* * *

…А ты мне счастья пожелал,
прощаясь в августовский полдень.
Губами веточку жевал,
и пальцы стыли на щеколде.
Тяжелым яблокам с ветвей
уже сорваться было впору.
Внизу вертлявый муравей
сновал по желтому забору.
Пчела промчалась мимо нас,
как будто бы над дымоходом
взлетела искра…
Целый час
гудело все и пахло медом.
Зачем простились мы с тобой
так солнечно, так неоглядно,
что даже нынешняя боль
не может нас позвать обратно?
Но навсегда в теченье дней
под этим светлым небосводом
ты связан в памяти моей
с калиткой, яблоком и медом.

* * *

Мы родились, когда все пушки
умолкли. И затихла даль.
Нам первой детскою игрушкой
была отцовская медаль.

И наши мамы были рады,
что позади война и страх.
И нас, как высшую награду,
держали в худеньких руках.

* * *

Зачем мне сказали, когда родилась?
Жила бы, про возраст не зная, –
меж миром и мною, наверно бы, связь
была совершенно иная.
Не знала бы, сколько еще проживу
и есть ли конец?
И начало?
С улыбкой встречала бы в мае траву,
и осень без грусти встречала б.
Ни дней бы не знала,
ни лет, ни веков,
отличие века – от часа,
отличие древних, как мир, стариков
от школьников первого класса.
И где-нибудь в поле, на темной меже,
спросила б у тонкой травинки:
«Скажи мне, живу я еще иль уже
покоюсь в российском суглинке?»

Нет! Это прекрасно,
что мне двадцать шесть,
что семьдесят будет не скоро,
что точка отсчета во времени есть,
другая же – скрыта от взора!
Что небо послало в раздолье полей
стрелу грозового разряда –
и замыслы зелени зреют в земле
наброском осеннего сада.

* * *

Какой же я осилила простор,
когда, стремглав промчавшись по Союзу,
попала прямо в полукружье гор,
как шар бильярдный
попадает в лузу!

Алма-Ата – приют зеленых крон,
ты в знойный полдень путнику – защита.
Алма-Ата надежно с трех сторон
прохладными вершинами прикрыта.
Ты Колизей напоминаешь мне,
наполненный полуденным сияньем,
где только север,
как пролом в стене,
ветрами дышит
и воспоминаньем.

Творчество

В тот самый час,
когда вино хмельное
иссякло,
и окончился хаос,
и голубь голубой к ковчегу Ноя
оливковую веточку принес,
тогда творец откинулся устало,
измученный потоками дождя,
и с облака сошел, как с пьедестала,
и трубку закурил,
а погодя

он пальцами, на солнце золотыми,
делил все эти воды, как ничьи,
небрежно,
словно строчку запятыми:
на реки,
на озера,
на ручьи.

Дитя человеческое

Хотела б я ребенком малым стать…
– В твои-то годы?
– Да, в мои-то годы.
Почувствовать былую благодать
от приобщенья к таинствам природы.

Еще на свет не родились стихи,
и светлый дождь
по голым икрам лупит,
еще во власти четырех стихий
душа и мир
сосуществуют вкупе.

Добро и зло еще разделены
стеной высокой
иль мостом горбатым.
Еще твой дух не осознал вины
за вышедший
из послушанья атом.

Не знаешь ты,
бесценных дней транжир,
того, что должен знать бы априори:
что всяк из нас
явился в этот мир
на чью-то радость
иль на чье-то горе.

Еще тебе неведомы табу
на то, на это –
взрослые причуды…
Еще не знаешь ты свою судьбу –
пришедший в этот мир
из ниоткуда.

Воля

Свобода – прекрасное слово.
Что надо!
Свобода поступка,
и мысли,
и взгляда.
Но все-таки где-нибудь
в ласковом поле
гораздо милее напевное
«во-о-ля».
Там, щедрой душою весь мир
одаряя
такою же волей,
ты волен без края!

Море

То убегающее без оглядки –
ни дать ни взять обиженный зверек,
а то лежащее у самых ног
и по-щенячьи лижущее пятки…

То дующее в грозную трубу
иерихонскую,
наполненную воем,
то тешащее душу воркотнею,
рожденною у горлинки в зобу.

Дающее азартным окорот,
а безответным дарящее страсти,
швыряющее волны в небосвод
и валуны дробящее на части…

Ты можешь убаюкать всё и вся,
когда качаешь окоем зеленый,
медузою колы-ша-щееся,
а через миг – глядящее Горгоной.

Взыскующее нашей наготы,
и чистоты,
и прямоты во взоре,
перед тобой мы ниц,
поскольку ты,
ты – Море!

Магдалина

Как трудно и страшно сгибаться коленям,
когда, поднимаясь по скользким ступеням,
идешь, как на суд, в это зарево дня –
оттуда, из самого грешного ада,
где пела полночная дура цикада,
кощунственным пеньем рассудок пьяня.

Душа уж готова сама устремиться
к орудиям пыток, в костры инквизиций,
и горек миндаль в запоздалом цвету.
И жаждешь ты казни египетской, лютой,
один на один с этой страшной минутой,
когда милосердие невмоготу.

Отец и мать

Родители в жизни ругались,
мирились,
и разными были,
и в чем-то похожи.
И мне остается гадать:
отчего же
ни разу мне порознь
они не приснились?
Друг друга смогли
отыскать и во мраке,
и снова бок о бок,
как прежде, зажили…
Знать, умные люди недаром
твердили:
на небе
земные свершаются браки.
И мне не придется
в просторах Вселенной
изведать однажды
печаль раздвоенья –
я попросту буду
держать направленье
в тот край отдаленный,
где Павел с Еленой.

Стать собой

Если бы мне надоело
мое человечье обличье,
тогда бы я новое дело
придумала – петь по-птичьи.
А надоест быть птицей,
стану рекой в тумане,
рыбкой стану плотицей –
ясновельможной пани.

Вздыбленным ли утесом,
камешком иль скалою,
травкою-медоносом,
звонкою ли пчелою,

сумрачным ли бурьяном,
тихою ли опушкой,
на берегу песчаном
крошечною ракушкой,

старым чертополохом,
заревом или тенью…
Мохом? Могу и мохом:
хрупкое, но – растенье!

Скажете: а изволь-ка
нашего вспомнить брата –
стану собою, только
той, что была когда-то.

Заклинание

Нет, в этом нет уничиженья:
в заветный, самый высший миг,
прервав обычное скольженье,
почувствовать, как мир велик.

И что ты сам на этом фоне,
букашке крошечной под стать,
лежишь у мира на ладони –
что стоит миру пальцы сжать!

Такие выпали нам роли –
ничтожества и божества.
И потому-то сгустком боли
диктуются мои слова:

«Не посылай ко мне, светило,
немилосердные лучи.
И ты, земли слепая сила,
не задави, не затопчи!

Огнем, водой округу руша,
не дай сгореть, пойти ко дну,
пока все вложенное в душу
тобой – тебе же не верну».

А вот уж от людского рода
не нужен мне ни щит, ни крест,
ведь раз не выдала природа,
то, стало быть, – свинья не съест.

«Однова»

Говорящих: «Живем однова» –
как же я презирала когда-то!
А теперь, поистратив слова,
сокрушаюсь: напрасная трата.

Человеческий род ли двояк,
раз он делится на два разряда:
загребателей жизненных благ и –
берущих не больше, чем надо.

Если б тот, кто живет однова,
но в три горла жующий и пьющий,
потерял бы и вправду права
на свое возрожденье в грядущем –
справедливость бы торжествова…

Но ведь это мечтанья благие:
исчезают одни «однова»,
а на смену приходят другие.

Или мельница вертится так,
что плодит загребателей благ?
Завертеть бы сильней жернова
да стереть в порошок «однова»!

Николаю Тряпкину

Тропинок наших почерк
из давних вьется дней,
и пусть моя короче,
а ваша подлинней,

в одном они сойдутся,
поскольку рождены
вы – после революции,
а я – после войны.

Ну опоздали на год,
кто ж скажет: повезло!
Как будто меньше тягот
на плечи нам легло.

И в том мы схожи с вами,
что на одном годе
недетскими слезами
рыдали о вожде.

Вам ваши слезы ближе
и солоней на вкус.
Мои ж обманом выжал
генералиссимус.
Но не о прежнем горе
хочу поведать вам –
от этих предысторий
да к современным дням.

Высок он или низок,
наш век «пиши-читай»?
Абы какой огрызок
читателю ни дай –

сжует, хотя бы каша
застряла в потрохах.
И тем дороже ваша
неистовость в стихах.

Как пепел раскаленный,
они стучатся в грудь.
Под ваши бы знамена
и мне когда-нибудь…

Скажу я, пустословий
вовеки не ценя:
родня мы не по крови,
не по стихам родня,

а по тому, что выше
и крови, и стихов –
что нашу грудь колышет
сильней любых мехов.

Пусть будет это общим –
тот факел и тот крест,
да то, что мы не ропщем,
когда глядим окрест.

* * *

Давно ли, от грешного тела
избавившись, стала чиста,
и вот уж опять восхотела
взглянуть на родные места.

Себе ли сказала с укором,
гадая по струйкам дымов:
– Жила я, не помню, в котором,
в каком-то из этих домов.

Нетленной ли думать о тленье,
и все же: взгляни на кресты.
Не в этом ли тихом селенье
оставила плоть свою ты?

За вздохом печаль неземная
почудилась в шелесте крыл:
– Как будто бы здесь… Но не знаю,
в которой из этих могил.

И вот, неземное созданье,
я там уже вижу твой след,
где странницами в мирозданье
вращаются десять планет.

Скажи мне, коль слов не забыла,
иль крыльями прошелести,
какую из них ты любила?
– Какую-то из десяти…

А это что там? Да ведь это
уже не планеты – миры!
Как скинии, полные света,
как вставшие в поле шатры!

Сумеешь ли ты разглядеть их,
беспамятства скинув покров?..
– Жила я в каком-то из этих,
в каком-то… из этих… миров